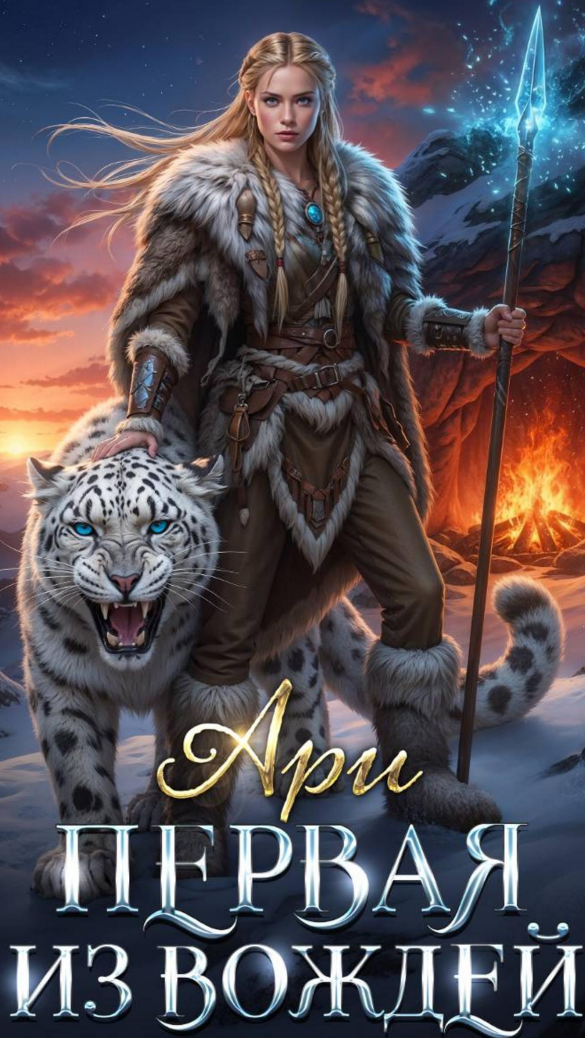

АЙЛИН ЛИН

Ари
ПЕРВАЯ
ИЗ ВОЖДЕЙ

Айлин Лин

Ари. Первая из вождей

<https://litres.ru/73066173>

SelfPub; 2026

Аннотация

Холод. Голод. Вши. Массивные неандертальцы. Страшные хищники.

Выживание на грани смерти.

И вот вроде всё просто, но с каждым днём странностей и вопросов всё больше

Справлюсь ли я, найду ли ответы?

Должна. Ради себя, ради близких, которые ждут меня дома.

Главная героиня мега-крутая, я предупредила ;)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	65
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Айлин Лин

Ари. Первая из вождей

Глава 1

Мелкая дрожь колотила это тело, сотрясая его изнутри, и я никак не могла понять, было ли это следствием пробирающего до мозга костей холода, который полз ядовитой змеёй по полу пещеры, или же реакцией на непрекращающийся, сводящий с ума зуд. Тысячи невидимых иголок одновременно впивались в мою новую-чужую кожу: под копной спутанных, пахнущих дымом и зверем волос, на пояснице, в нежных складках под коленями, - заставляя меня беспрестанно ёрзать на подстилке из колючих еловых веток, прикрытых вонючей, жёсткой шкурой. Каждое движение лишь распалило вшей, очевидно считавших данное тело своим законным домом, и я с отвращением, почти физической тошнотой, ощущала их пиршество на плоти, доставшейся мне по злой иронии судьбы.

Их укусы, как и всё остальное, было вовсе не сном, а жуткой реальностью. Я проверила. Щипала себя за предплечье, царапала щёки, и даже укусила ладонь до крови, вскрикнула, отчего меня лягнула соседка, чтобы я заткнулась.

- Таше! - прошипела она злобно, и по интонации я поняла

смысл сказанного.

Боль была настоящей, мучительной, кровь алой, тёплой. Правда, неприятные ощущения от самоистязания приходили чуточку с запозданием, что вызывало вопросы.

Вход в пещеру был закрыт валуном, но камень лежал неплотно, оставляя узкие щели по краям, в них, жутко воя, задувал ледяной ветер, швыряя мне в лицо снежную пыль, мелкую, как мука. Она оседала на коже, мгновенно таяла и, смешиваясь с грязью на щеках, наверняка превращалась в безобразные потёки. Я лежала, скорчившись, прижав колени к груди в тщетной попытке согреться, и в этой позе удавалось сдерживаться и не дёргаться, чтобы не чесаться. Очаг в центре большой пещеры располагался от меня достаточно далеко и тепло от него едва ощущалось. Огонь лениво облизывал почерневшие камни и выхватывал из мрака причудливые, пугающие тени. Воздух, густой и тяжёлый, был пропитан миазмами немых тел, едким дымом, и тошно-творно-сладким ароматом подгнивающего мяса, висевшего в тёмном дальнем углу.

Я медленно, осторожно, чтобы не шуметь, провела ладонью по своему предплечью. Кожа была грубой, обветренной, шершавой, как наждак. Под пальцами нащупывались старые неровные шрамы, длинные словно от когтей или острых камней, и несколько округлых, следы от ожогов? Или укусов? Сколько раз это тело ранили? Сколько раз оно выживало там, где должно было умереть?

Я сжала кулак, разжала. И убедилась, что руки, хоть и слушаются, но неспешно, будто сигнал от мозга шёл, преодолевая вязкую, густую преграду. Чужое. Всё чужое. Не моё.

Голод вдруг скрутил живот так резко, что я едва сдержала стон. Желудок сжался, пытаюсь сожрать сам себя. Взгляд против воли метнулся к куску мяса, валявшемуся у края очага - тёмному, обугленному снаружи, покрытому копотью и пеплом, источавшему кисловатый, но всё равно дразнящий запах жира и крови, во рту мгновенно выделилась густая, липкая слюна. Надо же, какое острое обоняние у моего нового тела! Но эту мысль перебила другая: «Боже. Я действительно хочу это сожрать?» Тело требовало, разум корчился от отвращения.

А ещё меня мучила жажда. Губы потрескались, кожа на них лопнула, и я чувствовала солоноватый привкус крови на кончике языка.

Закрыла горящие огнём веки, прижала ладони к животу, надавила, чтобы унять тянущие голодные спазмы. Вдох. Выдох.

Перед внутренним взором расцвели воспоминания, отвлекая от физических мучений, но погружая в другие, душевные.

Я - не эта грязная, забитая женщина, которую грубо притащили сюда, перекинув через плечо, как охотничий трофей. Я Арина Волкова, студентка четвёртого курса исторического факультета Новосибирского государственного уни-

верситета. Я подрабатывала в лаборатории археогенетики при Институте цитологии и генетики: мыла пробирки, заносила данные в таблицы, готовила образцы для анализа - делала всё то, что делают студенты, мечтающие когда-нибудь стать настоящими учёными.

Мой мир состоял из общаги на Пирогова, где вечно не было горячей воды; поточных аудиторий, где я записывала лекции профессора Карташова о мустьерской культуре и ашельской индустрии; ночных дежурств в лаборатории, где я мечтала, уткнувшись в планшет, о собственном гранте, о раскопках, о своей находке, которая войдёт в учебники.

Я знала о них, о неандертальцах, о сапиенсах, о межвидовой гибридизации - всё, что можно было узнать из книг, статей и музейных реконструкций.

Но я никогда, никогда не думала, что окажусь здесь лично. В самом жутком кошмаре представить не могла!

Зажмурилась сильнее, и едкий дым пещеры под силой моего воображения сменился озоновым, чистым запахом работающей аппаратуры в лаборатории. Последний день... Боже, то первое марта 2055 года я запомню навсегда.

Институт цитологии и генетики получил грант на тестирование нового, экспериментального метода визуализации генетической памяти. Рискованный проект на стыке нейробиологии и квантовой физики, который должен был позволить не просто прочесть код, а «увидеть» отрывки воспоминаний, зашитых в так называемой «мусорной» ДНК.

Игорь Петрович, профессор и куратор проекта, седой, вечно уставший, с прищуром близорукого, объявил, что им нужен доброволец на десятый по счёту тест.

Первые прошли ошеломляюще успешно. Аспиранты и младшие научные сотрудники по очереди ложились под установку, и каждый раз результат был схожим: лёгкое головокружение, вспышки света под веками, обрывки смутных образов - ничего конкретного, но и ничего опасного. Кто-то видел лес, кто-то огонь, кто-то даже участвовал в какой-то охоте и слышал голоса, но не смог разобрать слов.

- Система работает стабильно, - резюмировал Игорь Петрович, просматривая данные на мониторе. - Но визуализация слабая, нужен субъект с более выраженными маркерами древних миграций в геноме, - и посмотрел на меня.

Я знала, что мой геном идеальный. Все работники Института делали тест ДНК, потому что было бесплатно и жутко любопытно. В моём случае результаты показали редкую смесь: алтайская линия, неандертальский след, денисовский компонент, европейская примесь. Генетический коктейль, идеальный для исследований межвидовой гибридизации.

- Арина, - позвал меня Игорь Петрович, - не хочешь по-пробовать? У тебя отличные данные. Высока вероятность, что тебе получится увидеть и услышать больше остальных.

Я задумалась на мгновение. В принципе я ничего не теряю, а по итогу передо мной могут открыться кое-какие перспективы. Обучение в универе подходит к концу, и получить

постоянную работу в Институте вполне неплохой старт для любого выпускника.

- Я согласна, - решила я.

- Ну вот и отлично, ребята, готовьте установку.

Я помню холодный гель на висках, липкий, пахнущий спиртом. Мягкие щелчки датчиков. Гул, нарастающий не снаружи, а внутри черепа, будто кто-то включил огромный резонатор прямо в мозгу. Неприятная вибрация...

А потом был свет: ослепительная, всепоглощающая вспышка, разорвавшая моё сознание, саму ткань реальности, и за ней последовал чудовищный, нечеловеческий холод, который не заморозил, а именно выжег моё нутро.

Я помню ощущение падения, но не просто в бездну, а сквозь себя, свою жизнь, сквозь мириады чужих жизней, сквозь шелест листьев гинкго и рёв саблезубых кошек, пока, наконец-то, не ударилась об землю этого ледяного, первобытного мира. Очнулась я уже от боли иного толка, вполне реальной: ныли мышцы всего тела, а когда я осознала себя целиком, почувствовала странное... Кто-то бесцеремонно волок меня по снегу, что-то грубо, гортанно порывивая.

Картинка сменилась. Мама, папа, братишка. Они сейчас, наверное, только пришли домой. Мама приготовит вкусный ужин, накормит отца и сына. Позвонит мне, но я не отвечу. Близкие встревожатся, начнут трезвонить в общагу, универ. Или же Игорь Петрович свяжется с ними первым...

Я представила реакцию родителей, их шок, недоверие...

И я, быстро зажав рот ладонью, чтобы погасить всхлип, уткнулась лицом в вонючую шкуру. Надеюсь, Славка поможет им справиться с горем. Братишка, вся надежда на тебя! Чтобы не свихнуться от отчаяния, я ухватилась за другую мысль: через неделю должны были начаться областные соревнования, к которым я готовилась полгода! Вставала в пять утра на пробежки, таскала железо в зале, отрабатывала комбинации до тех пор, пока руки не немели. Тренер, Валерий Степаныч, рассчитывал на меня. Говорил, что в этом году у меня есть все шансы выйти на региональный уровень, что я «техничная, быстрая, с характером».

«Волкова, ты у меня золото возьмёшь, я это точно знаю. Только не расслабляйся», — проворчал он на последней тренировке. А теперь что? Он ведь так на меня рассчитывал, а я его, выходит, подвела.

Я провела ладонью по грязной щеке, смахивая слёзы, и устаивалась невидящими взором в чёрный свод.

Эти воспоминания удручали и вовсе не способствовали поднятию настроения. Впрочем, что горевать о том, что изменить нельзя? Поэтому стоит сосредоточиться на окружающей действительности. Надо думать. Анализировать.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Нужно успокоиться, чем-то отвлечься.

Взгляд зацепился за стену пещеры напротив, где я с трудом различила какие-то насечки, линии. Прищурилась, напрягая зрение. Не наскальная живопись, тут нет фигур жи-

вотных, нет охотничьих сцен. Скорее некие символы, короткие, глубокие зарубки, идущие группами. Счёт? Календарь? Я видела подобное на раскопках - метки для подсчёта дней, лунных циклов, добычи.

Но одна линия показалась мне странной, слишком ровной, слишком прямой для того, чтобы быть процарапанной куском кремня или обломком кости. Будто её вырезали, а не выцарапали. Я моргнула, вглядываясь пристальнее, но пламя дрогнуло, метнуло тень, и изображение утонуло в темноте. Наверное, показалось, и это просто игра света.

Итак, меня бросили у входа в пещеру. Глубокая, неровная полость в скале метров десять в ширину и уходящая в темноту ещё дальше. Свет от костра вырывал из тьмы свисающие с потолка корни каких-то деревьев.

Я снова принялась, пытаюсь разобрать смесь запахов на отдельные составляющие. Отдающий горечью дым, смешанный с чем-то более пряным, возможно, можжевельником? Чтобы замаскировать запах разложения? Тянуло прогорклым жиром, им явно смазывали что-то... Шкуры при выделке, кожу для защиты от обморожения? Ко всему этому добавлялось нечто кислое. Моча? Да, она, и ею тянуло откуда-то из дальнего угла, где, видимо, было отхожее место. И под всем этим, глубже, тяжелее - кровь. Её запах вьелся в камни пола, в стены, в саму суть этого места.

Я, чтобы было лучше видно, приподнялась на локтях и медленно осмотрелась; переводила взгляд от одного тела к

другому, считая. Их было много. У самого очага, ближе всех к теплу, спали пятеро мужчин. Все они ужасали своими размерами! Массивные, с бычьими шеями и широченными спинами, покрытыми шкурами, под которыми угадывались пласты мышц. Крупные, с покатыми лбами и тяжёлыми надбровными дугами головы со спутанными гривами волос. Я бы назвала их классическими неандертальцами, какими я их представляла по реконструкциям. НО! Что-то в их внешности было не так, что-то смущало меня и я пока не могла понять, что же именно. Рядом с ними спали не менее устрашающего вида женщины.

Ещё шестеро мужчин лежали от этих чуть в стороне, и они показались мне иными, стройнее с менее покатыми лбами. Сапиенсы? Или гибриды?

Женщин насчитала восьмерых. Пять из них, коренастые, мощные, с широкими бёдрами и короткими, внушительными конечностями, спали, прижавшись к крупным самцам у очага. Остальные мельче, изящнее, одна совсем молодая, лет семнадцати, не больше, с гладким лицом и тонкими запястьями, лежали ближе ко мне.

И дети. Боже, их было больше десятка! Я насчитала минимум пятнадцать маленьких тел, скрученных клубками под шкурами. Кто-то с матерями, кто-то отдельной кучкой, сбившись вместе для тепла, как щенки или котята. Один младенец, совсем крошечный, копошился у груди спящей женщины, чмокая и попискивая во сне. Рядом с ним лежал ещё

один малыш постарше, года три-четыре, с копной светлых, почти белёсых волос.

Я снова задумчиво посмотрела на тех мужчин, что спали у очага. Создавалось впечатление, что они и их женщины - пришлые, что это племя изначально не их. Они заявили, убили вождя, стали править. Интуиция подсказывала, что я близка к истине.

Самый крупный, без всяких сомнений, являлся вождём. Даже во сне он доминировал: лежал в самом центре, ближе всех к огню, его массивное тело занимало едва ли не половину пространства у очага, раскинувшись с той небрежной уверенностью, которая не терпит возражений. Лицо было повернуто в мою сторону, и я, при свете дрогнувшего пламени, разглядела шрамы: один, широкий и неровный, тянулся от правой надбровной дуги через всю щеку и скрывался в косматой бороде; другой, тоньше, пересекал переносицу. Третий совсем свежий аллел на ключице. Боевые раны. Он заработал эту власть силой и пролитой кровью, а не наследством.

Рядом с этой пятёркой, буквально в пределах вытянутой руки, прямо в землю были воткнуты копья с тяжёлыми каменными наконечниками. Привычка, отточенная до инстинкта - спать так, чтобы в случае опасности схватить оружие за долю секунды и встретить врага уже вооружённым.

И был в пещере кое-кто ещё... Я перевела взгляд на старуху.

Она лежала в стороне, отгородившись от остальных ка-

кой-то непонятной кучей из костей и камней, в центре которой в каменной чаше горел огонёк поменьше. Тело её было иссохшим, спина сгорбленной, но лицо с глубокими морщинами, прорезавшими кожу, как трещины в древней коре, даже во сне пугало своим жёстким выражением. Рядом с ней покоилась толстая, гладкая за годы использования палка, с зарубками у рукояти. Посох, символизирующий её простой статус.

Шаманка? Ведунья? Лекарка?

Я читала о таких, в первобытных сообществах всегда были те, кто лечил травами, заговаривал раны, общался с духами. Они стояли вне обычной иерархии: не воины, не охотники, но их уважали, боялись, слушались.

Что же, я стала частью самого настоящего клана.

Полноценное, функционирующее сообщество смешанного типа минимум из тридцати особей, со своей структурой и жёсткой иерархией. Альфа-доминирование, патриархат с элементами геронтократии, наличие ритуального лидера шаманки.

По этнографическим исследованиям я помнила, что, чем ты ближе к теплу и свету, тем выше твоё положение. А я лежала почти у самого входа, там, где ледяной ветер “кусал” с особой яростью, где снежная пыль оседала на шкурах, превращаясь в ледяную корку. Самое низкое, самое холодное место. Место чужака, положение трофея.

Я поёжилась, чувствуя, как унижение из едкого, горького

комка где-то в груди трансформируется в глухую злость. Руки сами собой сжались в кулаки. Грязные, обломанные ногти впились в ладони.

Нет. Я не буду жертвой! Я выживу вопреки всему.

Рассвет пришёл незаметно, и не через окно, не лучом солнца, пробивающимся сквозь щель в шторах, а через изменение звуков. Ветер стих, его завывание сменилось тихим, почти ленивым посвистыванием. Где-то снаружи резко крикнула птица. Ворон? Кукша? И следом, как по сигналу, в пещере началось пробуждение.

Первой зашевелилась та девчонка, спавшая неподалёку, и злобно меня пнувшая. Она резко села, тряхнула головой, и спутанные, грязные волосы разметались по плечам, окутавшись едва заметным облаком пыли и... перхоти? (Что это такое белёсое было? Зрение нового тела, как и обоняние, тоже удивило своей остротой). На секунду замерла, прислушиваясь - инстинкт, отточенный до автоматизма, потом поднялась и тенью скользнула к очагу, стараясь не задеть спящих соплеменников и вождя с его воинами.

Я даже дыхание задержала, наблюдая за ней, чтобы ничего не пропустить.

Вот она наклонилась к кучке хвороста, взяла сухие ветки ели, тонкие прутья ивняка, - и осторожно, почти нежно, подбросила их в угасающие угли. Наклонилась, подула, один раз, второй, и огонь вспыхнул, осветив её лицо, не такое мас-

сивное, как у крупных самцов и тех коренастых женщин. Челюсть уже, скулы выше, лоб вертикальнее, подбородок выраженный. Сапиентные черты. Гибрид первого поколения? Пока я размышляла, девчонка уже вернулась к своему спальному месту и без лишней суеты накинула на плечи потёртую, но ещё целую шкуру, после чего направилась к входу. На мгновение остановилась, бросила на меня равнодушный взгляд, будто посмотрела на камень или на кучу костей у стены, - и вышла, ловко отодвинув валун ровно настолько, чтобы протиснуться в щель.

Тут же внутрь пещеры ворвался ледяной воздух и я сжалась, инстинктивно поджав колени.

Следом зашевелились ещё двое: мужчина средних лет, жилистый, с длинным шрамом поперёк груди, и мальчик лет десяти-двенадцати, тощий, с торчащими рёбрами. Они поднялись почти одновременно, коротко, понимающе переглянулись, и направилась к дальнему углу, туда, откуда тянуло кислым запахом мочи. Отхожее место.

Я отвела взгляд. Некоторые вещи не стоило наблюдать слишком пристально, если хочешь сохранить остатки достоинства.

Ещё одна женщина массивная, с широкими бёдрами и мощными руками, села, зевнула так, что я услышала хруст челюсти, и потянулась к туеску у очага. Подцепила его, наклонила, сделала несколько жадных глотков. Вода? Она вытерла рот тыльной стороной ладони, икнула и поставила ту-

есок обратно.

Рядом с ней заворочался один из детей лет пяти, курносый, с копной чёрных волос, он тихо заскулил, протягивая ручонки. Женщина, по всей видимости являвшаяся его матерью, низко, предупреждающе рыкнула, и ребёнок мгновенно замолчал, съёжился. Она притянула его к себе, сунула ему в рот какой-то кусок тёмного, жёсткого даже на вид мяса, и мальчик тут же вгрызся в него, сопя и чавкая.

Дисциплина. Никаких криков, ведь шум привлекает хищников.

Я обо всём этом читала в книгах, записывала на лекциях, но увидеть вживую, прочувствовать на себе эту жёсткую, безжалостную логику выживания было совсем другим опытом.

И тут я почувствовала чей-то пристальный взор. Кожа пошла мурашками.

Старуха сверлила меня своими тяжёлыми, чёрными глазами. Она не пошевелилась, не села - просто открыла глаза, и эти глаза, маленькие, глубоко посаженные, но острые, как кремневые осколки, уставились прямо на меня. Не мигая, изучающее.

Я затаила дыхание. Потом старуха медленно, с хрустом в суставах, села, подтянула к себе посох и, опираясь на него, поднялась. Накинула на плечи шкуру, сшитую из нескольких кусков - заячьих, лисьих, и ещё чего-то пятнистого, - и заковыляла к дальней стене, туда, где в тени я различила кучу

каких-то узлов, связок.

Лекарственные растения?

Она опустила на корточки, начала копать, монотонно и ритмично, почти как заклинание, бормоча что-то себе под нос. Доставала пучки, нюхала, откладывала одни, другие прятала обратно. Потом выбрала три связки: одну с желтоватыми, сухими цветками, вторую с тёмными, почти чёрными корешками, третью с какими-то красными сморщенными мелкими ягодами, и поковыляла обратно к своему мини-очагу.

Присела, положила травы на плоский камень у огня, достала костяное шило и начала перетирать корешки, размалывать их в порошок. Движения были медленными, но уверенными, она делала это сотни раз за свою такую непростую жизнь.

Один из приближённых к вождю мужчин сел, потянулся, почесал спину и зевнул. Огляделся, увидел старуху за работой, коротко, уважительно ей кивнул и поднялся. Выдернул своё копьё из земли, проверил наконечник, провёл пальцем по краю, накинул шкуру и вскоре покинул пещеру. Охотник пошёл на разведку, или чтобы осмотреть ловушки? Наверняка. Утренняя проверка территории, оценка погоды и состояния снега, ведь зима в плейстоцене не прощала ошибок.

Ещё двое таких же массивных проснулись следом, и сразу направились к мясу в углу. Там, на крюках из рогов, висели части обглоданных туш. Один из них сорвал длинные,

толстые, с остатками мяса рёбра, и притащил к очагу. Сунул прямо в огонь, не церемонясь, и уселся рядом, ожидая, когда мясо прогреется.

Второй мужчина схватил крупную, трубчатую кость и начал выскребать костный мозг ногтями. Чавканье, хруст, сопение - звуки завтрака в первобытном мире.

Мой желудок свело так, что я снова согнулась пополам. Боже! Как же я хочу есть! Настолько, что, наверное, сожру даже голую кость.

Проснулся один из самых младших детей, заплакал и пополз к матери. Та, не открывая глаз, сунула ему грудь, и ребёнок замолчал, присосавшись.

Тут вернулась девчонка, в руках она несла подобие корзины, наполненной чистым, белым снегом. Она высыпала снег в берестяной туесок, поставила у самого края очага, чтобы тот растаял, ведь вода была не менее ценна, чем мясо и тепло.

Ещё одна женщина взяла скребок (плоский кусок кремня с зазубренным краем) и шкуру, наполовину обработанную, и устроилась у стены, подальше от очага. Начала скрести, счищая остатки жира и плёнок. К ней примкнула девочка лет восьми, и костяным шилом принялась прокалывать дырки в другой шкуре, готовя её к сшиванию. Обучение. Передача навыков.

И вот зашевелился вождь.

Все в пещере едва заметно напряглись, я почувствовала

это напряжение, как чувствуешь изменение давления перед грозой.

Он сел резко, одним движением, встряхнул головой, огляделся - медленно, оценивающе, задержал взгляд на старухе (она кивнула ему, не прекращая растирать травы), потом на мужчинах у очага (те отвели глаза), потом на мне.

Я замерла, как мышка перед взором огромного голодного кота.

Его глаза были тёмными, почти чёрными, глубоко посаженными под тяжёлыми надбровными дугами. Он смотрел на меня так, как смотрят на вещь, не враждебно, с интересом, оценивающе. Жива? Цела? Убежит ли? Отвёл взгляд, поднялся, и, схватив своё копьё, покинул пещеру, не оглянувшись.

Его соплеменники едва заметно с облегчением выдохнули. Мужчины снова заговорили, женщины продолжили работу, дети зашевелились. Жизнь вернулась в привычное русло.

Я лежала, вжавшись в шкуру. Он не убил меня. Даже не подошёл.

Значит, я ему пока не интересна?

И тут меня озарило! Я поняла, что меня смущало во внешности вождя и его приближённых!

Во-первых, рост. Да, они были массивными, но... слишком высокими. Метр семьдесят, может, даже больше. Настоящие неандертальцы редко превышали отметку в сто шесть-

десять пять сантиметров, приземистые и коренастые, будто сама эволюция прижала их к земле, чтобы лучше сохраняли тепло. А эти... Почему они такие рослые?

Во-вторых, конечности. У настоящих неандертальцев они должны быть короче и компактнее. Тут же будто кто-то взял правильные пропорции и растянул их.

В-третьих, лица. Выступающие надбровные дуги, но... Лоб уходил назад не так резко, как должен был. И подбородок, несмотря на тяжёлые челюсти и спутанные бороды, я разглядела намёк на подбородок. Слабый, едва заметный, но он был. А у неандертальцев подбородок отсутствовал напроць, это сапиентная черта.

Гибриды? Но тогда почему они настолько массивны? И почему черты смешаны столь странно?

Я тихо выдохнула, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

Что-то здесь было не так. Что-то фундаментально неправильное. Они походили на неандертальцев, но при этом отличались от них.

Тут со своего места встала старуха, отвлекая меня от размышлений. Она взяла туесок с растопленным снегом и направилась... ко мне.

Сердце ухнуло вниз. Она подошла, остановилась в шаге, посмотрела сверху вниз и протянула туесок. Я не двигалась, боясь ошибиться и разгневать шаманку. Она коротко, зло что-то рявкнула и сунула туесок мне почти в лицо.

Пей, дура!

Я медленно, дрожащими руками, взяла тару. Вода была мутноватой и пахла странно. Сделала глоток, затем ещё один, чуть не поперхнувшись от жадности. Ещё глоток. Ещё. Горло болело, но воды хотелось больше, ещё больше...

Старуха резко выхватила туюсок из моих рук, буркнула что-то недовольное и поковыляла обратно. Я осталась сидеть, вытирая рот, и вдруг поняла: она меня напоила. Значит, я ей нужна живой. Но зачем?

Глава 2

Мой блуждающий по полутёмной пещере взгляд остановился на груде шкур, где угадывались маленькие неподвижные тела.

Больше половины детей так и не проснулось. Сердце ёкнуло от жалости - это же ненормально.

Старуха, подойдя к своему костерку, взяла туесок с настоявшимися травами и поковыляла в их сторону.

Вскоре она присела на корточки возле первого ребёнка, откинула край шкуры. Я вытянула шею и увидела мальчика лет шести, с бледными впалыми щеками. Лежал неподвижно, только грудь едва заметно вздымалась. Старуха приложила ладонь к его лбу, потом наклонилась ниже, прислушиваясь к дыханию. При этом лицо её оставалось бесстрастным, ни переживаний за больное дитя, ни страха. Для неё это всё было рутиной.

Шаманка приподняла голову мальчику и прижала к его губам край тары с травяной настойкой. Тот даже глаз не открыл, старуха подождала, пока он сглотнёт, и, уложив ребёнка назад, снова накрыла его шкурой.

Таким же образом лекарка поступила и со всеми остальными. Я смотрела на неё, не в силах отвести взгляд. Хотела встать, подойти, чтобы рассмотреть поближе, понять, а что с ними не так? Но инстинкт самосохранения кричал: не лезь!

Ты здесь чужая. Ты пленница.

Что с ними всеми? Простуда? Я пыталась вспомнить всё, что знала о детской смертности в палеолите. Пятьдесят процентов не доживали и до пяти лет. Болезни, голод, холод, хищники. Но чтобы половина одновременно слегла? Что за хворь такая?

Тревога скребла изнутри, но ответов на вопросы я пока не находила.

Я так крепко задумалась, что не сразу заметила замершую рядом со мной женщину. И только когда она грубо дёрнули меня за руку, очнулась.

- Варра! - прорычала неандерталка с широкими плечами и тяжёлой, почти квадратной челюстью. Она сжала моё запястье ещё сильнее, и острая боль, наконец-то, докатилась до моего сознания. Я удержала вскрик, лишь негодуя зашипела, скривившись.

Та рыкнула ещё раз и дёрнула меня на себя. Ясно, приказывает встать. С трудом, но я всё же приняла вертикальное положение. Она, удовлетворённо сверкнув глазами, ткнула пальцем в сторону выхода и сама туда шагнула.

Остальные женщины уже собрались у «двери». Я быстро оглядела их, считая. Три массивных неандерталки с мощными руками и короткими ногами. Три сапиентки, стройные, с равнодушными лицами, в руках они сжимали корзины из грубо сплетённых ивовых прутьев, наполненные ремнями.

Шестеро и я.

Та, что грубо меня дёрнула, обернулась, окинула меня неприязненным взглядом и сказала что-то короткое, злобное. Голос был низкий, хриловатый, полный презрения. Две её почти-копии хмыкнули, оскалив зубы в подобии улыбки. Сапиентки продолжали молчать, делая вид, что им глубоко плевать на всё, что происходит.

Одна за другой мы вылезли наружу. Я была последней.

В лицо ударил пронзительный солнечный свет, я зажмурилась, инстинктивно прикрывая глаза. Слезы потекли против воли.

Времени, чтобы прийти в себя, мне не дали, кто-то грубо толкнул меня в спину, я, не удержав равновесия, упала на снег, больно ударившись коленями.

- Варра, драха! - рыкнула всё та же злобная су... первая жена вождя, буду считать её первой, раз она так командует.

Одна из сапиенок вдруг шагнула ко мне и помогла встать. Я же уже более-менее проморгалась и, благодарно ей улыбнувшись, прикрыв глаза рукой, быстро осмотрелась.

Вся округа, всё вокруг было покрыто белой пудрой.

Снег лежал толстым слоем, сверкал на солнце так ярко, что глазам было больно.

Пещера располагалась в теле скалы, метров двадцать, может, тридцать высотой. Вход располагался на возвышенности, а перед ним была небольшая утоптанная площадка, метров десять в ширину. Здесь снег лежал тонким слоем, местами виднелась голая промёрзшая земля. Слева от входа чер-

нело кострище, сейчас потухшее, покрытое инеем.

Мы гуськом зашагали вперёд. Я оказалась в центре, механически переставляла ноги, пытаюсь плотнее закутаться в свою шкуру. Холод жёг щёки, пальцы; безжалостно вгрызался в кожу, мне очень хотелось вернуться в пещеру, там, как оказалось, были райские условия!

Женщина, шедшая позади, грубо толкнула меня в спину. Топай быстрее!

Вот мы спустились по пологому склону, и идти стало куда сложнее, я то и дело проваливалась в сугробы, снег противно скрипел под ногами, норовил залезть в высокие «сапоги», которые представляли собой куски кожи, мехом внутрь, стянутые сухожилиями. Ветра, к счастью, не было, но мороз стоял такой, что воздух резал лёгкие.

Я подняла голову, вглядываясь в окружающий мир, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

Скала, в которой была пещера, оказалась частью горной гряды, уходящей вдаль. Острые вершины, покрытые снегом, устремлялись к ослепительно синему небу. Солнце висело низко над горизонтом, бледное, и такое же холодное, как и всё вокруг.

Мы же целеустремлённо шагали к лесу. Хвойные и лиственные деревья, припорошённые снегом. Некоторые стволы были внушительного диаметра. Деревья стояли неподвижно, тишина давила, я невольно прислушивалась к ней, пытаюсь уловить хотя бы отдалённое пение птиц. И вот! Где-то оди-

ноко каркнула ворона.

Мир был девственно чист и смертельно опасен.

Это не Новосибирск 2055 года, где есть отопление, электричество, интернет. Это жуткое прошлое, и я здесь далеко не охотник.

Я невольно замедлила шаг, осознавая свою реальность ещё острее, но почти сразу же меня снова грубо пихнули. Толчок вышел сильным, но я смогла удержать равновесие и не упасть в сугроб. Боль, как обычно, пришла через секунду, тупая и жгучая, она растеклась по спине между лопаток.

Но я продолжала движение, крепко сцепив зубы. А так хотелось развернуться и вломить ей в ответ. Едва сдержалась, помня, что я одна, а их шестеро. Толпой запинаят и даже не вспотеют.

Углубились в лес. Женщины шли уверенно, они знали здесь каждый камень, каждый поворот. Первая жена вождя вдруг обернулась к нам всем и рявкнула что-то злобное. Сапиенки заспешили, я тоже.

Вскоре вышли на округлую поляну, слуха коснулся стук дятла, чей-то писк. Пахло смолой, хвоей и опасностью. Не знаю, откуда взялось это ощущение, будто кто-то за нами пристально наблюдает, но отделаться от непонятного страха я никак не могла.

Женщины рассредоточились, каждая пошла в свою сторону. Я же осталась стоять, не зная, что делать.

Вторая неандерталка подошла ко мне, ткнула в плечо, за-

тем указала на ветку, лежавшую неподалёку от нас, и махнула рукой. Иди. Собирай.

Что же, собирать так собирать. Я наклонилась, подняла, затем следующую и ещё одну.

Прошло совсем немного времени, а руки замёрзли пуще прежнего. И чтобы не думать, чем всё это может кончиться для моих пальцев, сосредоточилась на теме коммуникаций между членами этого племени.

Неандерталки молчали почти всегда. Они общались жестами, короткими рыками, кивками. Иногда выкрикивали одно-два слова. Кха! Стой. Та! Бери. Нех! Нет. Варра, драха! - Иди. А вот «драха» было чем-то явно оскорбительным.

Сапиентки же болтали между собой бегло, их речь была мелодичной, полной гласных. Они редко, но смеялись, переглядывались, показывали друг другу что-то. Вот одна нашла гнездо, но оно оказалось разорено. Другая наткнулась на след, крупный, с когтями. Они обсуждали его, гадали, чей он. И всё это я понимала на каком-то глубинном, интуитивном уровне.

Интересно, а какой у моего нынешнего тела голос? Мне бы ещё хотелось увидеть своё отражение, но поблизости я не заметила ни одного водоёма. Ладно, попробую что-то сказать. Открыла рот и попыталась прошептать: «Привет, новая реальность», но язык отказывался повиноваться мне.

Вышло невнятное мычание, будто рот набит ватой. Звуки застревали в горле, слова разваливались на бессвязные об-

рывки.

Прих... нох... рех...

Я замолчала, сжав губы. Связь с телом была нарушена. Мозг давал команды, но они доходили с задержкой, искажались, ломались где-то на полпути.

Почему? И что с этим делать? Как выжить?

На глаза набежали злые слёзы. Я смахнула их со щёк и вернулась к работе.

Одна из сапиенток показалась неподалёку. Лет двадцати пяти, с тонкими чертами лица и длинными тёмными волосами, заплетёнными в косу. Она срезала кору костяным ножом, ловко складывая её рядышком с собой.

Мне нужен нож, но где его взять? Они точно со мной не поделятся.

Прошло, наверное, час-полтора, когда главная неандерталка крикнула общий сбор. Я, подхватив охапку хвороста, как и все, пошла к ней.

Жена вождя окинула меня взглядом, потом посмотрела на мою «добычу». Фыркнула презрительно. Мало. Что-то сказала своим двум товаркам, те взяли свой хворост и сбросили мне. Главная пренебрежительно махнула рукой: неси!

Я посмотрела на получившуюся внушительную кучу. Я не подниму это. Не смогу.

Одна из сапиенток подала мне корзину с ремнями. Делать нечего, придётся каким-то образом дотащить. Огляделась.

Подошла ко второй по массивности неандерталке, вопро-

сительно приподняв брови, ткнула пальцем в её топор, представлявший собой кремнёвое лезвие, примотанное сухожилиями к толстой ветке.

Она оскалилась, качнула было отрицательно головой, но вдруг передумала и кивнула.

В итоге я стала обладательницей широких еловых веток, на которые уложила хворост, связав всё ремешками. Получились грубые волокуши. Вернула инструмент хозяйке и под удивлёнными взорами всех остальных зашагала прочь.

Подъём обратно к пещере был просто жутким! Я поднималась медленно, часто останавливаясь. Волокуши цеплялись за каждый выступ. Ремень, которым я тянула свою поклажу, врезался в ладони, заставляя меня шипеть от боли.

Остальные шагали впереди, не оглядываясь. Сапиентки иногда замирали, чтобы перевести дух, но их никто не бил, не толкал. Они были свои. А я чужая.

Когда мы, наконец-то, добрались до пещеры, я, выпустив ремень из рук, рухнула рядом с волокушами. Сидела, не в силах пошевелиться. Дышала тяжело, хрипло, каждый вдох отдавался болью в груди.

Главная неандерталка прошла мимо, наступила мне на ногу. Я дёрнулась, но она уже ушла, даже не обернувшись.

Внутри пещеры было значительно теплее. Я подошла к костру, села рядом, подставляя ладони к огню. И мне было глубоко фиолетово, что это может кому-то не понравиться. Пальцы были белыми, почти синими. Я жёстко растирала их,

затем щёки, чувствуя, как кровь медленно возвращается.

Одна из женщин, молодая сапиентка, подошла и протянула мне кусок мяса, глаза её были полны сочувствия.

Я взяла угощение и поднесла к губам. Сладковато-тошнотворный запах разложения ударил в нос. Мясо было подгнившее, старое.

Меня затошнило. Я отравлюсь! Паразиты, инфекции... Боже, что я делаю?! Я не могу это съесть!

Но тело отреагировало иначе: слюна мгновенно наполнила рот, густая, липкая. Желудок заурчал, сжался, требуя.

«Не надо. Не надо-о-о!» - кричало всё внутри меня.

Откусила.

Я жевала, и разум корчился от отвращения, а тело мурлыкало от удовольствия. Две части меня, разделённые, враждующие.

Проглотила. Откусила ещё. И ещё.

Остальные тоже расселись вокруг очага и жевали свои куски. Дети грызли кости, выскребая мозг. Один мальчик лет пяти посасывал полоску жира, довольный, счастливый.

День тянулся бесконечно. Меня послали за снегом. Ходить пришлось несколько раз.

Потом я помогала скрести шкуры каменным скребком. Работа была монотонной, какой-то бесконечной, от неё у меня затекла спина и шея.

Вечером, когда солнце начало садиться за горы, я, наконец, рухнула на своё место у входа. Легла, покрутилась,

устраиваясь поудобнее. Глаза сами собой остановились на больных детях. Они всё так же лежали под шкурами. Шаманка как раз начала обход, давая им свою настойку.

Веки потяжелели, и я провалилась в вязкий, полный живой тьмы сон.

Проснулась от шума.

Вернулись охотники. Четверо неандертальцев во главе с вождём. Они отодвинули валун шире, чтобы можно было занести подвешенную на жердях тушу крупного, с массивными рогами, горного козла. Ибекс.

Женщины вскочили, загомонили. Свежее мясо, считай праздник!

Вождь оглядел пещеру, кивнул старухе. Та встала, подошла, осмотрела добычу, что-то сказала.

А затем вождь повернулся ко мне.

Я замерла испуганным зайцем.

Он, не спеша, подошёл, нависнув надо мной. Огромный. Массивный. Пахнущий кровью и давно немытым телом.

Наклонился, схватил меня за ворот шкуры, рывком поднял на ноги, я чуть язык от страха не прикусила. Подтянул ближе, рассматривая моё лицо. В его глазах я видела огонь желания.

Вождь медленно, похотливо облизнулся.

Всё внутри меня оборвалось от ужаса грядущего.

Глава 3

Второй рукой он легко сорвал с меня шкуру и небрежно бросил её на грязный пол пещеры.

Я осталась в его руках совершенно обнажённой! Кожа миглом покрылась мурашками от холода, и я инстинктивно сжалась, пытаясь прикрыться руками. Под шкурой не было ничего, кроме полоски выделанной кожи, обмотанной вокруг бёдер и удерживаемой ремешком на талии. Грудь, живот, плечи - всё это сейчас было выставлено на всеобщее обозрение.

Я дрожала больше от ужаса и беспомощности, нежели от холодного воздуха, жадно лизнувшего кожу. Если бы это тело слушалось меня мгновенно, так, как когда-то родное, я бы попыталась дорого продать свою жизнь. Всё же я МС по боксу, лучшая в группе. Но... Обстоятельства в данный момент были против меня.

Вождь нагнулся ниже, зловонное дыхание шибануло в нос. Его глаза в свете костра горели неистовым огнём желания, дыхание стало тяжёлым, чуть хриплым. Огромная лапища потянулась к моей груди и с силой сжала. С небольшим запозданием я ощутила волну боли, прокатившуюся по телу, и едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

- Ва тра-рэк! – рыкнул он и сместил руку вниз, чтобы сорвать набедренную повязку.

И тут из-за его спины вынырнула шаманка.

Она налетела на вождя, как разъярённая кошка, шипя и скалясь, её посох был высоко вскинут. Старуха вклинилась между нами, оттолкнула меня в сторону, и я упала на камни, стукнувшись спиной. Боль снова пришла с секундной задержкой - воздух от силы удара выбило из груди, копчик прострелило молнией.

Тем временем шаманка, набычившись, что есть дури треснула посохом о землю. Звук раскатился по пещере, гулкий, как удар грома.

- КХА-ЛИ-НЕХ! - прошипела она, глядя вождю прямо в глаза.

Мне показалось, или пламя в костре замерло? Нет, не показалось. Потому что спустя два удара сердца огонь взвился высоко вверх, распугав сидевших вокруг него людей, которые с приглушёнными криками бросились врассыпную.

Мужчины схватились за копья, женщины прижали к себе детей, стремясь защитить их. Самый маленький заплакал, но мать мгновенно зажала ему рот ладонью.

Вождь медленно наклонился к шаманке, лицо его исказилось в жуткой гримасе: рот оскалился, обнажив крупные, жёлтые зубы, между бровями пролегла глубокая морщина, широкие ноздри раздулись. Из горла вырвался рык, низкий, звериный, полный ярости.

- ГРРРАХХ!

Он навис над ней, его ладони сжались в кулаки так, что

суставы побелели.

Но старуха не дрогнула. Она стояла, опираясь на посох, сторбленная, крошечная рядом с его массой, и даже не подумала шелохнуться. Их зрительное противостояние длилось долгую минуту, затем бабка подняла свободную руку и ткнула костлявым пальцем за спину, туда, где я судорожно закутывалась в свою шкуру.

- НЕХ! - повторила она жёстко, чеканя каждый звук. - КХА-ЛИ-НЕХ!

Запретная. Она сказала, что я запретная. Откуда я знаю, что значит это слово? Память предыдущей хозяйки тела?

Грудь вождя тяжело вздымалась, дыхание вылетало с тихим свистом через сжатые зубы. На секунду мне показалось, что он сейчас разmozжит череп шаманки одним ударом.

Вся пещера буквально затаила дыхание. И я вместе со всеми. Никто не двигался.

Я сидела на холодном камне и смотрела, как эти двое сверлят друг друга. Один вид власти против другой.

Вождь медленно выпрямился. Посмотрел на меня, потом снова на шаманку. Его челюсти сжались ещё сильнее, и я слышала, как скрежещут его зубы.

Пальцы неандертальца медленно разжались.

И вот он неспешно развернулся, зло пнул камень у своих ног и прорычал что-то короткое, злобное своим соплеменникам. Те молча опустили головы. Потом шагнул к ибексу, выхватил костяной нож из-за пояса и начал разделявать ту-

шу. Рывками. Грубо. Швыряя куски в стороны.

Шаманка опустила посох. Обернулась. Лицо её было непроницаемым. Она коротко кивнула мне и заковыляла обратно к своему очагу.

Я осталась на месте, дрожа всем телом.

Обитатели пещеры пришли в движение: женщины отпустили детей, вернулись к своим делам, мужчины воткнули копья в землю. И тем не менее напряжение не ушло. Все бросали быстрые взгляды то на вождя, то на меня, то на шаманку.

Одна из сапиенток, та самая, что давала мне мясо и помогла у выхода из пещеры, тихо подошла и протянула мне туесок с водой. Я благодарно сделала несколько больших глотков.

После легла на своё место, буквально рухнув на лапник. Свернулась клубком. Закрыла глаза. Сон пришёл не сразу, мысли метались в голове, не давая уснуть, и одна из них была очень заманчивой: разведать местность и свалить куда подальше. Выживу одна. Как-нибудь выживу.

Одолеваемая противоречивыми чувствами, всё же провалилась в тяжёлый, липкий сон.

Лес. Солнце ярко светит.

Я бегу.

Нет. Не я.

ОНА бежит.

Я вижу её глазами, чувствую её тело, слышу её мысли, но это не я. Это воспоминание. Память этого тела.

Ветки хлещут по лицу. Ноги скользят на мокрых камнях. Лёгкие горят, сердце колотится так, что, кажется, вот-вот и выпрыгнет из груди.

- Беги! - кричит кто-то сзади родным голосом, полным тревоги. Брат.

Я оборачиваюсь и вижу стройного мужчину, с длинными светлыми волосами, заплетёнными в косу. Высокие скулы, красивые серые, как утренний туман, глаза. Он бежит следом, крепко сжимая в руке копьё, периодически оглядываясь через плечо.

- Шайя, беги! - кричит он снова. - Не останавливайся!

За нами шла охота. Это были они. Те самые пятеро неандертальцев, наступающие нас с невероятной скоростью, которую сложно угадать в их вроде бы неповоротливых массивных фигурах.

Один из них всё ближе. Это был вождь. Вот он вскидывает руку со своим копьём и с оттяжкой кидает его вперёд, прямо в моего брата.

- НЕ-Е-ЕТ! - кричу я, но голос обрывается, переходит в хрип.

Наконечник входит под рёбра светловолосому, пронзает его насквозь.

Брат охает, падает на колени. Кровь хлещет из раны, тёмная, горячая, дымящаяся на морозе.

Вождь стоит над братом, вырывает копьё и наносит второй удар уже в грудь, чтобы добить.

Вождь поднимает голову, смотрит на меня. Глаза его блестят. Он скалится. Я понимаю, что мне не убежать, и покорно замираю, в ожидании своей участи.

Он идёт ко мне, опрокидывает на землю, задирает шкуру, но не успевает сорвать набедренную повязку, как по долине разносится жуткий вой... Такой, что моя кожа покрывается липким потом страха, а волосы буквально встают дыбом! Я боюсь того, кто так воет. Более того, я ЗНАЮ, кто это!

Ворлак.

Неандертальцы мигом приходят в движение, меня кидают через плечо и бегут прочь. Бегут что есть мочи!

Я проснулась с бешено колотящимся сердцем, лоб покрыт испариной.

В ушах шумело. Вдох-выдох и вскоре я успокоилась, полностью сбросив с себя хмарь жуткого сна. И тут же различила странные гортанные стоны, идущие откуда-то из глубины пещеры, я с трудом приподнялась на своей лежанке, и в полумраке увидела, как вождь... Что же, я ему сегодня не досталась, а адреналин после охоты всё ещё бурлил в крови, и его тело требовало разрядки. Вождь выбрал одну из сапиенток, я не видела её лица, но понимала, что она вполне довольна происходящим.

Передёрнувшись от отвращения, отвернулась к стене.

Нужно бежать. Это значит, не просто бездумно собирать хворост, а параллельно внимательно изучать местность. И помнить, что кроме людей вокруг полным-полно опасных

очень крупных хищников.

Мысли перескочили к хозяйке этого тела. Её звали Шайя. Красивое имя, мелодичное. Вот только зачем неандертальцы охотились на светловолосых? Они явно преследовали некую цель. Вероятно, им нужны их женщины. Почему?

До самого утра я так и не уснула. А стоило соседке зашевелиться, я встала вместе с ней.

Мышцы немного ныли, но как-то, если можно так выразиться, терпимо. Всё же Шайя дитя этого времени и ничуть не уступала окружающим в выносливости. Связь с телом по-прежнему оставалась заторможенной.

Заворочалась шаманка, села, стрельнула в так и не проснувшихся детей тёмным взором, и, тяжело поднявшись, пошаркала в угол, где хранились её травы.

Одна из неандерталок кинула мне подгоревшее мясо ибекса. Я, недолго думая, вгрызлась в кусок и с удовольствием съела. Мясо было свежее, пусть подгоревшее снаружи и сырое внутри, всё же куда вкуснее того сгнившего...

Не дожидаясь приказов, подошла к загораживающему вход валуну. Пришлось приложить усилие, чтобы он чуть-чуть откатился в сторону. Через образовавшуюся щель, еле как протиснулась наружу. Вдохнула ледяной воздух полной грудью, и так и замерла, давая глазам привыкнуть к свету.

Затем, никуда не спеша, спустилась по склону к лесу. Шла и внимательно осматривалась.

Вдруг позади послышался топот. Я обернулась и вовре-

мя! Чтобы увернуться от грубого тычка! Но главная неандерталка, злобно рыкнув, прыгнула на меня снова, и в этот раз вполне успешно повалила в сугроб. И пнула меня по животу, а затем и по рёбрам.

Лицо её было искажено яростью. Она схватила меня за грудки, дёрнула вверх, заставляя подняться на колени. Рывнула что-то, брызгая слюной. Голос был полным угрозы:

- НЕХ! ВА-ХРАПРА-НЕХ! - и затрясла так, что мои зубы застучали.

Я же откуда-то поняла смысл всей фразы: «Нельзя! Тебе нельзя одной!»

Женщина отпустила ворот, но тут же схватила меня за волосы, дёрнула на себя.

Как же она меня достала!

Что-то внутри меня щёлкнуло. Ярость жаркой волной пробежала по позвоночнику. Чистая, горячая, выжигающая всё остальное. Как и страх быть наказанной.

Я резко вскочила, выкрутилась из её хватки. Клок моих волос вырвался с корнем, но мне было плевать.

Джеб левой! Быстро, резко, в лицо. Кулак впечатался в нос, хрящ хрустнул, кровь брызнула. Соперница дёрнулась, попятилась.

Шаг. Левая нога впереди, вес перенесён. Замах от бедра. Корпус развернулся, кулак пошёл по дуге, набирая скорость. Хук в печень. Жёсткий, короткий, всей массой.

Костяшки врезались ей под рёбра справа, точно в солнеч-

ное сплетение, мягкие ткани поддались под ударом.

Жена вождя охнула, ошарашенно распахнув глаза.

Но я не остановилась на этом!

Правый прямой в челюсть. Быстро, пока она не опомнилась. Кулак пошёл по прямой, вложила в атаку всю злость, всё унижение последних дней. Удар попал точно в цель! Её голова дёрнулась назад, но противница устояла, массивная и крепкая, как дерево.

Добью. Я не я буду, если не свалю её!

Левый апперкот: снизу вверх, в челюсть, под углом. Бам-м-м! До меня долетел глухой хруст ломаемой кости.

Глаза неандерталки закатились, она пошатнулась, сделала шаг назад, потом ещё один, её ноги подкосились, и она, наконец-то, рухнула. Снег взметнулся вокруг её тела, и вот противная бабёнка лежит, распростёршись у моих ног. Рот приоткрыт, из разбитой губы сочится кровь.

Я стояла над ней, тяжело дыша, кулаки всё ещё крепко сжаты. Костяшки горели, но я не чувствовала боли, лишь эйфорию от победы, только восторг от того, что хоть и двигалась куда медленнее, чем могла бы, будь это тело родным, но одержала верх.

Обернулась на застывших поодаль остальных женщин. Они смотрели на меня, широко распахнув глаза, полными шока и недоверия. Но никто, в том числе и две другие неандерталки, и не подумал напасть на меня, чтобы отомстить.

Тут из пещеры вышла шаманка. Она медленно спустилась

ко мне. Задумчиво посмотрела на лежащую женщину, потом на меня. И неожиданно, удовлетворённо кивнув, широко полубеззубо улыбнулась.

Глава 4

Лицо шаманки вдруг начало расплываться. Я моргнула. Ещё раз. Но не помогло. Колени подогнулись и я, не успев что-то сказать или сделать, просто полетела лицом в снег.

Темнота окутала растерянное сознание, и я отключилась.

Тепло.

Я открыла глаза. Мягкий, золотистый свет, льющийся сквозь вход в пещеру, касался лица.

Я лежала на подстилке из сухих трав и шкур. Осмотрелась: пещера была большой и просторной, с высокими сводами. Не тёмной, не душной. Вход широкий, солнце заливает половину пространства. Вдоль стен аккуратные лежанки, некоторые отгорожены шкурами на деревянных жердях. Личное пространство для семейных.

Да. Здесь были семьи.

Я встала и прошла мимо одной из таких перегородок. За ней послышался тихий смех, шёпот. Там сидела молодая пара Айра и Кейрон. Несколько дней назад он подарил ей ожерелье из просверленных ракушек. Она сплела ему пояс из крашенных кожаных полос. Теперь они вместе. Навсегда.

У очага в центре пещеры кто-то запел тихую песню. Старейшина Таргон, вождь нашего племени.

- Доброе утро, Шайя. Солнце встаёт с тобой.

Я улыбнулась и ответила:

- И с тобой, Таргон. Пусть день будет щедрым.

Это наш обычай. Приветствовать друг друга. Желать добра.

Я подошла к очагу, взяла глиняную миску, зачерпнула воду из большого кожаного мешка, подвешенного на треноге. Вода чистая, холодная. Мы носили её из ручья каждый день.

Рядом на плоском камне разложена еда: вяленая рыба, лепёшки из рогозовой муки (корни камыша), испечённые на горячих камнях. Я беру рыбу и ем. Солёная, вкусная.

"Солёная? У них есть соль?" - вдруг вклинилась мысль, и я поняла, что это вовсе не я, а воспоминания предыдущей хозяйки тела.

Из глубины пещеры вышла Миранна, жена старейшины. Пожилая женщина с седыми волосами, заплетёнными в толстую косу. На шее у неё ожерелье из костяных бусин, каждая вырезана в форме маленького солнца. Символ Духа Света, того, кто даёт жизнь, тепло, пищу. Она жрица. Она говорит с Духами.

Миранна подошла к очагу, подняла руки к потолку.

- Дух Света, - произнесла она негромко. - Благодарим тебя за новый день. За тепло. За жизнь. Защити нас. Веди нас.

Все, кто проснулся, замерли. Кивнули. Некоторые повторили её слова шёпотом.

Мы верили, мы знали, что есть что-то большее. Что-то, что создало солнце, звёзды, нас. Мы не понимали всего до

конца, но мы чувствовали, что правы.

Молитва закончилась. Миранна опустила руки, улыбнулась мне.

- Шайя, милая, пойдёшь собирать корни? Метель прошла, солнце вышло.

Я кивнула.

- Да. Позову с собой Лиару и Эйлин.

- Далеко не уходите.

Я взяла палку-копалку и корзину. Подруги уже ждали меня у входа.

Мы вышли из пещеры. Воздух был свеж и чист. Я вдохнула полной грудью и улыбнулась.

- Хороший день, - сказала Лиара, поправляя корзину за спиной.

- Да, - согласилась я. - Скоро весна, я чувствую её дыхание...

Пошли вдоль ручья в поисках корней. Работали не спеша, болтали, смеялись.

Вернулись к вечеру, изрядно продрогшие, но счастливые. Мужчины тоже удачно поохотились, притащили тушу оленя. Брат потрепал меня по волосам и улыбнулся. Всё было хорошо.

Вот последние дни зимы уступили место красавице весне...

Земля проснулась после долгого сна.

Вода потекла отовсюду: с гор, из расщелин скал. Реки

вздулись, выходя из берегов, ревели так, что не слышно было собственного голоса. Мы переходили их вброд, держась друг за друга, чтобы поток не унёс.

И пришло моё любимое лето. Солнце поднималось высоко и грело по-настоящему, обжигая кожу. Ночи стали короче. Темнота приходила поздно и уходила рано. Иногда казалось, что солнце не заходит совсем, лишь только краешек неба темнел на несколько часов, а потом снова светало. Мы спали мало. Работали много. Потому что это время - время запасов. Время, когда земля даёт и нужно успеть взять всё, что она нам столь щедро дарила.

Мы охотились, следуя за стадами оленей, ставили ловушки. Рыбачили. На солнце вялили всю добычу. Собирали и сушили коренья, ягоды, грибы. Готовились к долгой, иногда кажущейся бесконечной зиме. Когда охота не шла, эти запасы помогали нам выжить.

Толкли жёлуди, прежде вымочив и высушив, затем перетирали в муку. Выделывали шкуры: скоблили, растягивали, обрабатывали мозгами, чтобы они стали мягкими.

Потом шили одежду. Плели корзины из ивовых прутьев, мастерили каменные ножи, костяные шилья, гарпуны с зубринами.

Всё племя трудилось от рассвета и до заката, все знали, зима не прощает ошибок.

Стужа налетела, как всегда, неожиданно... Потекли привычные дни у очага с короткими вылазками за хворостом и

водой.

А потом случилось ЭТО.

Я проснулась от странного низкого гула, будто сама земля гневно зарычала и судорожно затряслась.

Брат вскочил раньше всех, схватил копьё.

- Что это? - вскрикнул кто-то.

Звук всё нарастал, становясь громче, злее, неистовее!

И тут пещеру потрянуло!

Я упала. Камни посыпались сверху. Послышались крики, плач детей.

- Уходим! Земля гневается! - взревел Таргон. - БЫСТРО!

И мы бросились к выходу.

- В ЛЕС! - скомандовал вождь. - БЕЖИМ!

И мы побежали. Не оглядываясь. Неслись по склону, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова.

Я обернулась один раз.

Наша пещера обрушилась, вход перекрыло. Огромные валуны катились вниз и не думали останавливаться.

Всё, что у нас было пропало под завалами камней.

Шагали всю ночь. Земля всё ещё дрожала, то затихая, то снова содрогаясь. Утром остановились у замёрзшей реки. Сели где придётся, чтобы хотя бы немного передохнуть. Напоить водой детей и стариков.

Дни сливались в одну бесконечную серо-белую ленту.

Спали где придётся: в расщелинах скал, прижавшись друг к другу для тепла; в дуплах гигантских деревьев, перекрывая

вход ветками. Однажды нашли брошенное логово медведя - огромную яму под корнями упавшего дерева, выстланную старой травой и шерстью. Запах там царил тяжёлый, едкий, но мы остались. Хоть такая, но крыша над головой.

Ночи - самое страшное время, время хищников. Когда большинство людей становится их добычей. У нас не было огня, Мы потеряли его в ту первую ночь, когда земля содрогнулась и наша пещера рухнула. Бежали в темноте, хватая детей, корзины, всё, что попало под руку. Редкие огненные камни, как и всё остальное осталось там, под завалами.

Вождь пытался найти подходящие инструменты для розжига, а именно лук и стержень, но всё вокруг было сырым и не желало разгораться. Трут не тлел, дерево не дымилось. Он пробовал снова и снова, до крови стирая ладони, но огонь не приходил.

Свора псов напала в одну из ночей и племя разделилось. Я осталась с братом и ещё двумя охотниками. Мы добрались до новых гор, но на нас напали... И Арэн, мой брат, погиб...

Я проснулась, задыхаясь.

Слёзы текли по лицу.

- Ты вспомнила, - произнёс кто-то негромко, я с трудом сфокусировалась и узнала склонившуюся надо мной шаманку. - Хорошо. Теперь ты всё поймёшь. Пей.

К моим губам прижалась чаша, рот наполнился горечью. Напиток был тёплым и просто отвратительным на вкус. Я за-

кашлялась, попыталась отвернуться, но костлявая рука старухи держала крепко.

- Пей, - повторила она, не меняя интонации.

Я сделала ещё глоток. Затем ещё один, пока не осушила тару полностью.

Шаманка убрала чашу, опустила мою голову обратно на шкуры. Посмотрела на меня долго, изучающее, кивнула и встала.

Я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями.

Итак, я точно помню, как нокаутировала противную бабёнку. Надеюсь, я её не сильно травмировала. Странно, что после драки я вдруг отрубилась. Что это такое было? Пересердствовала? Настолько стрессанула, что тело не выдержало?

Я всё так же, не открывая глаз, пошевелила пальцами. И они послушались без всякой задержки! Я шокировано замерла, и даже в этом «замирании» мышцы напряглись мгновенно.

Подняла руку, сжала в кулак. Разжала. Повернула кисть туда-сюда, ущипнула. Ай! Боль пришла сразу же.

Не спеша, села. Никакой заторможенности, что преследовала меня все эти дни.

Легко встала.

Даже глаза будто видели чётче, словно некая тончайшая пелена наконец-то спала.

Восприятие окружающего мира изменилось.

Нет.

Я изменилась.

Моё сознание, моя душа, вся моя суть больше не боролась с этим телом.

Мы стали единым целым.

Колени подогнулись. Я опустилась на шкуры, прижала ладони к лицу. Это что же получается, я не смогу вернуться домой?

Чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнула от неожиданности, подняла голову.

Шаманка снова стояла рядом и спокойно смотрела на меня

- Чужая душа, - проговорила старуха так тихо, что слышала только я. - И должна спасти нас от зла. У тебя один путь, - не мигая, продолжала она сверлить меня своими тёмными глазами. - Так говорят духи.

Я открыла рот и попыталась ответить:

- Не понимаю... Хочу домой, - вышло хрипло, с трудом, но вышло!

Чужой голос. Мой родной был пониже.

Старуха похлопала меня по плечу.

- Ляг, набирайся сил.

Я ещё хотела спросить, что за «зло», но шаманка уже отвернулась, поковыляла к своим травам. Я не последовала её совету, не легла, прислонилась спиной к холодной стене пещеры. И посмотрела прямо перед собой невидящим взором,

пытаясь осмыслить услышанное.

Духи.

Спасти? Что всё это значит?

Движение у входа заставило повернуть голову. Вошли двое мужчин. Пересекли пещеру, прошли туда, где в дальнему углу лежали больные дети. Каждый взял по одному телу, которые безвольно повисли в их руках. Оба были мертвы.

Моё сердце жалостливо ёкнуло.

Малышей вынесли наружу и вскоре вернулись за следующими.

Я смотрела, не в силах отвести взгляд. Горький комок застыл в горле. Они умерли от серой хвори, которую принёс Дух Шшэх, те, кто переболел ею имели стойкий иммунитет, в племени Шайи такое тоже случилось, но всего пару раз...

Женщины сидели у очага, опустив головы. Никто не плакал. Только одна молодая мать тихо покачивалась, обхватив себя руками.

Когда последнее тело вынесли, пещера опустела. И как будто стало холоднее. Будто часть жизни ушла вместе с ними.

Вождя и его приближённых не было. Наверное, ушли на охоту.

Через четверть часа обитатели пещеры зашевелились, вернулись к прерванным делам.

Жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

Следующий день начался так же, как и все предыдущие:

женщины собрались у выхода. Корзины, шкуры, угрюмые лица. Я поднялась и пошла к ним.

Главная смотрела на меня исподлобья, в близко посаженных глазах полыхало пламя ненависти. Её лицо «украшали» синяки. Нос распух, на скуле багровое пятно, губа разбита и тоже распухла. Но рычать, поторапливая меня, она не посмела.

Только оскалилась, показав крупные жёлтые зубы, и коротко приказала остальным:

- Пошли!

Спустились по склону, я шла в хвосте. Лес встретил тишиной. Женщины рассредоточились. И я так же пошла собирать хворост.

Работала быстро. Руки не мёрзли так сильно, как раньше, что несказанно удивляло. Я поднимала длинные ветки, легко ломала их и складывала в кучу.

И вот крикнули общий сбор.

В этот раз главная неандерталка поступила так же, как и в предыдущий: приказала двум другим подкинуть мне свою «добычу». Получилась просто чудовищно огромная гора хвороста. Вчера я бы не утащила и трети.

Но сегодня...

Я, взяв топорик, обрубила подходящие ветки, связала волокуши. Подняла ремень, обмотала вокруг ладоней и потянула.

Было тяжело. Но-о... Я смогла сдвинуть всё это с места.

И не просто сдвинуть, а потянуть за собой.

Волокуши скользили по снегу. Я шагала, не останавливаясь. Спина не горела. Руки не дрожали.

Поднималась по склону, ловя себя на мысли, что это просто невозможно! Хотя нет, одёрнула саму себя, ещё как возможно!

Остановилась на мгновение, переводя дух, и посмотрела на свои руки. Сильные. Мозолистые. С выступающими жилами на запястьях.

Руки женщины каменного века.

Я ведь изучала физическую антропологию, анализировала скелеты кроманьонцев. Читала исследования, проводила реконструкции в экспедициях, оттого знала: люди палеолита были НАМНОГО мощнее и выносливее современных людей.

А почему? А потому что выживание требовало постоянной физической нагрузки. Каждый день с малого возраста.

Девочка пяти лет уже таскала хворост. Растирала коренья на каменных тёрочниках, а это часы монотонной работы. Становясь старше, помогала с выделкой шкур, что являлось адским трудом: растянуть между жердями, закрепить; соскоблить остатки мяса, жира, плёнок каменным скребком - дни изнурительного труда.

Я усмехнулась горько и снова потащила волокуши. В XXI веке я была мастером спорта. Тренировалась шесть дней в неделю. Жала штангу. Бегала кроссы. Била грушу до крови

на костяшках.

И считала себя сильной.

А Шайя... Шайя никогда не тренировалась. Она просто делала всё, чтобы выжить. И была куда выносливее, сильнее, ловчее меня.

Но тем не менее большинство местных ничего не могли противопоставить хищникам... Вот только, если верить памяти Шайи, были и те, кто мог. Они рождались редко, и чаще именно в племенах кроманьонцев.

Вопросы роились в голове, и на многие из них я не находила ответов в воспоминаниях Шайи. Был шанс, что местная шаманка разъяснит хотя бы некоторые из них...

Прим. автора:

1. Исследования испанских пещер, таких как Эль-Сальт, показали: неандертальцы использовали отдельные зоны для отходов. С помощью микростратиграфии учёные обнаружили копролиты (окаменевшие экскременты) строго в определённых местах, вдали от зон сна и очагов.

2. Льюис Бинфорд, основоположник процессуальной археологии, в своей работе "In Pursuit of the Past" описал модели использования пространства охотниками-собираателями. Он ввёл понятия «зон выброса» и «зон отбрасывания», доказывая, что поддержание чистоты в центре стоянки - это биологическая стратегия выживания.

3. Журналы *Naturwissenschaften* (2012) и *Nature* (2012).

Анализ зубного камня неандертальцев из пещеры Эль-Сидрон (Испания) показал следы древесных волокон и лекарственных растений, таких как ромашка и тысячелистник. На зубах обнаружены характерные бороздки, которые учёные интерпретируют, как следы первобытных зубочисток, сделанных из веточек или костей. Свидетельство того, что неандертальцы следили за гигиеной полости рта.

4. Ральф Солецки, американский археолог, в 1950-х годах обнаружил в пещере Шанидар (Ирак) останки десяти неандертальцев. Один из скелетов Шанидар-1 был инвалидом: атрофированная рука, глухота, слепота на один глаз. Но он прожил 40-50 лет. Это доказывает: неандертальцы заботились о слабых членах группы. Кроме того, пещера Шанидар, где неандертальцы жили десятилетиями, не превратилась в свалку - косвенное подтверждение того, что люди палеолита поддерживали чистоту в жилище из-за угрозы болезней.

Глава 5

Я дотащила волокуши до входа в пещеру и сбросила ремни с плеч. Руки немного ныли, но эта боль была привычной. Ко мне вышли несколько старших детей, не затронутых болезнью. Они шустро подхватили по охапке хвороста и занесли внутрь нашего общего жилища. Остальные женщины уже разошлись по своим делам. Главная неандерталка бросила на меня злобный взгляд, сплюнула и тоже скрылась в глубине пещеры.

Я вошла следом за тощим мальчиком лет восьми, скинула ветки в угол и двинулась дальше. Шаманка сидела у своего костерка, что-то растирая в каменной ступке. При моём приближении она подняла голову и кивнула. Я, не спрашивая разрешения, присела рядом.

- Ты говорила, - начала я тихо, - что я должна спасти вас от зла. От какого?

Шаманка ответила не сразу. Будто не услышав, она продолжала методично растирать травы в порошок. Я не стала повторять вопрос, заворожённо следя за её экономными движениями.

Вскоре старуха отложила пестик и посмотрела на меня тяжёлым взглядом.

- Воры, - наконец проскрипела она. - Они приходят ночью, окружают племя. Приносят с собой туман, что усыпляет ра-

зум и волю.

Она замолчала, глядя на пляшущие язычки пламени.

- А утром просыпаются только дети и старики. Те, кого забирают, никогда не возвращаются. Мы, потеряв тогда молодых мужчин и женщин, снялись с насиженного места. По пути к горам встретились другие, ставшие частью племени. Дети выросли, - она кивнула на людей, работавших со шкурами. - А потом нас возглавили пришлые нарры.

Она ткнула искривлённым пальцем в сторону неандерталок.

- Они сильнее, хоть и дурнее, - тихо фыркнула она. - Ты должна защитить нас от тех, кто приходит и ворует. Так сказали мне духи.

Всё это звучало необычайно загадочно. Я открыла рот, чтобы спросить, успела ли шаманка рассмотреть этих воров, но тут валун у входа с грохотом отъехал в сторону. В пещеру ввалился вождь с ношей на могучей спине. За ним вошёл второй охотник, тоже с раненым товарищем на хребте.

- Гр-райха! - рявкнул вождь с перекошенным от ярости лицом, шкуры на нём были разорваны и пропитаны кровью.

Двух раненых неандертальцев сгрузили на лежанки у главного очага. Один из них не шевелился вообще. Второй тихо, судорожно хрипел, его грудь вздымалась неровными рывками.

Шаманка на удивление шустро для её возраста поднялась и подошла к ним. Бегло осмотрела раны. Зрелище было жут-

ким. Я едва сдержала рвотный позыв, при этом не в силах отвести глаз от отвратительной картины. У первого охотника левый бок превратился в кровавое месиво: чудовищные когти вспороли толстую куртку из шкуры вместе с плотью, мышцы свисали неровными лохмотьями, обнажая белые обломки рёбер, торчащих из раны, словно сломанные сухие ветки. В глубине в свете костра тускло «поблёскивали» внутренности. Второму зверь, видимо, пытался снести полчерепа, но промахнулся. Удар пришёлся в плечо и шею. Ключица была раздроблена в крошево, а из рваной дыры у самого горла с каждым свистящим вдохом вырывались, лопаясь, пузыри розовой пены. Он буквально тонул в собственной крови.

- Этот уйдёт скоро, - ткнула она кривым пальцем в неподвижного. - Этот протянет чуть дольше.

Вождь стоял посреди пещеры, тяжело дыша и набычившись. После вердикта лекарки он утробно взревел:

- Ворлак напал среди дня! Теперь братья мертвы! Добычи НЕТ! Ты говорила, старуха, духи защитят! ГДЕ ЗАЩИТА?

Шаманка не отступила. Стояла спокойно, глядя на гиганта снизу вверх.

- Духи послали помощь, - молвила она ровно.

- Помощь?

Вождь замахнулся, явно желая треснуть её по голове, но вдруг замер. Его взгляд упал на побитую мной неандерталку, будто невзначай подошедшую поближе к костру. Мужчина на оцепенел, рассматривая её опухшее лицо. Медленно по-

дошёл, взял за подбородок, повернул её голову из стороны в сторону.

- Кто? - спросил тихо, и от этого тона у меня внутри всё похолодело.

Я замерла, затаив дыхание. Липкая дрожь страха волной прокатилась по спине. Зря я надеялась, что здесь правит только грубая сила, и, если победил кого-то в честном бою, то тебе ничего не будет, лишь почёт и уважение. Походу я знатно ошиблась.

Его жена молча ткнула пальцем в меня.

Все в пещере застыли, с круглыми глазами наблюдая за происходящим. Вождь медленно повернулся ко мне. И вдруг рванул вперёд, да так быстро, что я не успела даже дёрнуться. Огромная ладонь сомкнулась на моём горле, рывком отрывая меня от земли. Я вцепилась в его запястье, и, пусть и с трудом, но смогла разжать его пальцы, не до конца, но всё же. Вождь удивлённо насупился и зарычал, положил левую ладонь поверх правой. Надавил сильнее.

С этим я сделать уже ничего не смогла. Воздух кончился почти мгновенно. Перед глазами поплыли цветные пятна.

- ТЫ! - рыкнул он мне в лицо, обдавая смрадным дыханием. - Ударила мою Нгрору?!

Я не могла ответить, лишь хрипела, пытаюсь втянуть в себя хоть каплю живительного кислорода.

- НЕТ! ОТПУСТИ ЕЁ! - вскрикнула шаманка.

Но меня не отпустили, хватка усилилась.

- Духи сказали, она нужна! Она спасёт нас! - продолжала старуха.

- Спасёт?! - Вождь сплюнул на пол, не разжимая рук. - От чего?!

- Отпусти. Дай ей шанс доказать!

Вождь посмотрел на шаманку, желваки на его скулах ходили ходуном. В его взгляде боролись ярость и суеверный страх. Наконец, злобно ощерившись, он разжал пальцы и отшвырнул меня.

Я рухнула на каменный пол, судорожно хватая ртом воздух, закашлялась.

- Хочешь жить? - прорычал он, нависая надо мной огромной глыбой. - Уходи перед ночью и принеси голову Ворлака. Тогда ты ценна. Тогда живи.

После чего выпрямился, развернулся и тяжело опустился у костра. Ему тут же подобострастно сунули кусок мяса и воду.

Я же лежала, прижав ладонь к саднящему горлу, и пыталась осознать услышанное.

Память Шайи услужливо подкинула мне картинку. Ворлак. Огромная туша, мышцы, перекатывающиеся под шкурой, и клыки, способные прокусить череп.

Это был не кто иной, как пещерный лев.

Я должна убить пещерного льва. В одиночку.

Что за бред?!

Я медленно поднялась с холодного пола. Колени саднили, горло пекло огнём при каждом вдохе, но разум работал чётко, даже отстранённо. Страх ушёл, уступив место ледяной решимости обречённого.

- Вернись, - подошла ко мне шаманка. - Им, - ткнула на детей, - нужна ты.

Я скептически приподняла брови и кивнула на жующего вождя, мол, вот ваш защитник, на что старуха пренебрежительно скривила губы.

- Одна умрёшь в белой пустыне. Вместе надёжнее, - сказав это, развернулась и хотела было уйти, после чего вдруг загадочно добавила: - Убей ворлака и съешь его сердце. Тогда, возможно, твоя тлеющая Искра запыхает в полную силу.

Я посмотрела на её согбенную фигуру и лишь удивлённо покачала головой. Она что думает, я реально стану сражаться с пещерным львом? Ну уж нет! Лучше я возьму всё, что мне нужно, и отправлюсь искать племя кроманьонцев.

Ладно, это всё потом, главное, пережить эту ночь. Поджав губы, задумчиво осмотрелась. И так... Необходимо оружие и свет.

Вождь приказал отправиться на охоту, получается, я могу взять всё, что мне понадобится. Или нет? Что же, пока не проверю, не узнаю. Сделав бесстрастное лицо, направилась к орудиям, которые лежали у стены. Взяла в руки тяжёлый, каменный топор. Проверила крепление: жилы намотаны туго, лезвие сидит плотно. Заткнула его за пояс. Нашла кремнё-

вый нож с длинным, острым, как бритва, зазубренным лезвием и тоже отправила за пояс.

В стороне от раненых в землю были воткнуты их копья. Я взяла ближайшее. Массивное, из прочного ясеня, с широким листовидным наконечником. Оно удобно легло в руку, и я почувствовала странную уверенность - если что, продам свою жизнь подороже.

На мгновение замерла, ожидая, что мне прикажут вернуть всё по местам, но этого, слава Богу, не случилось.

Теперь свет.

Животные боятся огня, и ворлак тоже его опасается.

Я огляделась в поисках подходящей тары. В углу, среди кучи мусора, заприметила обломок песчаника с глубокой естественной выемкой. Подойдёт для моей задумки просто идеально.

Подошла к туше ибекса. Вождь уже насытился, и никто не зарычал на меня, когда я отхватила ножом добрый кусок плотного нутряного жира. Вернулась к очагу шаманки. Часть сала положила в каменное углубление, остальное убрала в берестяной туесок, после поставила «лампу» на горячие камни у самого края костра. Жир начал медленно подтаивать, превращаясь в маслянистую мутную лужицу.

Пока оно топилось, попросила разрешения у шаманки порыться в её растительных запасах. Нашла пучки сухого мха, скрутила их в плотный жгут, обмотала тонкой полоской кожи, отрезанной от края моей же накидки. Получился прими-

тивный фитиль. Окунула его в растопленный жир, дала пропитаться, уложила на край камня и поднесла горящую щепку. Огонёк занялся неохотно, затрещал, выстреливая мелкими каплями, но вскоре разгорелся. Пламя подрагивало, выпуская тонкую струйку черноватой, жирной копоти и источая тяжёлый дух горелого сала, но светило ровно и ярко. Положив лампу в корзину, выпрямилась, в одной руке сжимая копьё, в другой тару с лампой.

Всё это время все члены племени и вождь в том числе, смотрели за каждым моим движением. Я видела изумление в их глазах, стоило мне сделать масляную «лампу», удивление, когда я взяла себе оружие. На физиономии предводителя читалась смесь презрения и мрачного любопытства. Он явно ждал, что я начну умолять, плакать, ползать в ногах. Ан нет, фиг тебе, а не мольбы.

Тут я почувствовала прикосновение к локтю. Рядом снова стояла шаманка. Она смотрела на меня снизу вверх своими чёрными глазами.

- В морду, - прошептала она едва слышно. - Брось ему в морду, - и положила в мою корзину небольшой, туго завязанный кожаный мешочек.

Я удивлённо посмотрела на подарок. Что там? Едкая зола? Какой-то яд? Разбираться времени не было. Я просто благодарно кивнула.

- Как тебя зовут? - вдруг спросила старуха.

- Арина.

- Ари-нна... Вернись и помоги нам выжить.

- Ничего не могу обещать, - пожала плечами и шагнула к выходу, а вдогонку донеслось:

- Съешь его сердце. Разожги свою Искру.

Я, крепче сжав древко копья, пошла вперёд.

Валун поддался с натужным скрежетом. В лицо ударил ледяной ветер, и я шагнула наружу, оставляя позади тепло и безопасность. Солнце наполовину ушло за линию горизонта, окрашивая мир в ало-лиловые закатные тона. Камень с грохотом встал на место за моей спиной, отрезая путь назад.

Что же, у меня не так много времени, чтобы обезопасить себя и, на случай, если ворлак (или какой-то другой хищник) всё же на меня выйдет, смочь ему противостоять.

Глава 6

Тени всё удлинялись, превращаясь в чёрно-синие полосы, ползущие по снегу, будто щупальца неведомых чудовищ. Солнце неумолимо катилось к зубчатому краю горизонта, и я понимала: времени у меня в обрез. Полтора-два часа, прежде чем мир накроет настоящая, хищная тьма.

Я ушла от пещеры племени на достаточное расстояние, следуя по едва заметной тропе вдоль скального гребня. Всё, что попадалось по пути, было либо чересчур большого размера - зверь легко меня достанет, либо слишком маленького - развернуться самой негде. Но в итоге мои поиски всё же увенчались успехом. Я опустила корзину на землю и придирчиво осмотрелась, следов на снегу никаких не было, сюрпризов быть не должно.

- Неплохо, - под нос пробормотала я, стремясь разбить окружающую меня гнетущую тишину.

Это был глубокий разлом в скальной породе, как будто великан в гневе ударил топором по горе. Вход представлял собой трещину «горлышко», где с трудом могли разойтись два крупных мужика. Но метра через два стены расступались, образуя просторный каменный мешок метров шесть в диаметре. Я замерла в его центре и задрала голову - крыша отсутствовала. Высоко виднелся кусочек вечернего неба, на котором уже проступили первые, колючие звёзды. Стены

были гладкими, почти отвесными. Сверху ко мне никто не прыгнет, слишком высоко. А значит, путь один - через узкий коридор.

Здесь я смогу маневрировать, отскакивать к стенам, а вот огромному зверю придётся туго. Главное, хищник не сможет зайти с тыла или с фланга. Только в лоб.

Скинув накидку, которой служила тощая, вытертая шкура, накрывавшая мою лежанку в пещере, принялась за работу. Первым делом следует подготовить основное оружие - копье, но не то, взятое у охотников, а другое.

Мне нужна рогатина. Тяжёлая, способная остановить живой таран.

Я заметила одинокую молодую лиственницу, росшую в лесу неподалёку. Ствол прямой, крепкий, с подходящей развилкой на уровне моей груди. Спрятав масляную лампу в расщелине, пошла пахать.

Каменный топор глухо стукнул по древесине. Раз, другой. Щепки летели во все стороны. Рубить камнем дерево, то ещё удовольствие, весьма сомнительное, но руки Шайи, полные скрытой силы, справлялись удивительно легко. Я чувствовала, как вибрирует древко инструмента, как отдача бьёт в плечо, но усталости не было. Меня захлёстывал первобытный азарт охотника. Пока руки работали на автомате, обтёсывая ветки и заостряя концы развилки кремнёвым ножом, мозг продолжал анализировать.

Искра... Что это такое?

Старуха сказала: «Твоя тлеющая Искра запылает».

Что это? Метафора? Или конкретный физиологический процесс? Шаманка говорила о ней, как о чём-то материальном, что можно «разжечь» сердцем зверя. В первобытных культурах поедание органов врага - это классическая симпатическая магия. Съел сердце, получил храбрость, съел мозг - мудрость. Но здесь... здесь всё казалось сложнее. Может, речь об иммунитете? О какой-то резистентности к местным вирусам?

Тем временем пока мысли перетекали из одного в другое, я обработала кору древка, делая его шершавым, чтобы руки не скользили, когда они взмокнут от пота и, возможно, крови.

И эти люди... Я снова и снова прокручивала в голове их образы.

Вождь и его свита. Я называла их неандертальцами, опираясь на внешние признаки: мощные надбровные дуги, широкие носы, бочкообразные грудные клетки. Но, рассмотрев их получше, поняла, это не они, во всяком случае, не те, что были описаны в учебниках.

Эти были внушительного роста, более или менее пропорционально сложены и имели подбородочный выступ. У неандертальцев же подбородок отсутствовал, челюсть была скошена назад. Подбородок, прежде всего, маркер сапиенсов, необходимый для членораздельной речи.

Вывод напрашивался сам собой, и он мне не нравился.

Они все здесь - один вид. Мы все - Homo Sapiens. Просто те, кого я приняла за иных, являются результатом какой-то мутации. Или адаптации к условиям, о которых я пока не знаю. Радиация? Вирус?

Земля была твёрдой как гранит. Сколько я ни долбила её топором, ямка выходила жалкой, едва ли на пол-ладони глубиной. Нужен жёсткий, неподвижный упор.

Я внимательно осмотрелась: слева от меня лежал плоский обломок сланца. Я с трудом в несколько заходов, толкая и матерясь сквозь зубы, отволокла его к своей жалкой ямке, таким образом, создав искусственный порог. Позади навалила ещё пару булыжников для верности.

Теперь план был таким: рогатина лежит на земле, невидимая в тених. Я стою прямо над её основанием. В момент атаки мне нужно будет подхватить древко, задирая острие навстречу врагу, а ногой со всей силы упереть, буквально вдавить тупой конец в эту каменную баррикаду.

Если промахнусь мимо камня, погибну. Если подниму острие слишком рано, зверь увидит опасность и свернёт. А если среагирую слишком поздно, меня сомнут.

Рогатину я разместила чуть дальше от выхода из «горлышка», чтобы хищник имел возможность прыгнуть...

- Значит, это не прошлое? - прошептала я, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони и задумчиво оглядывая результаты своей работы. - Или, по крайней мере, не моё прошлое. Параллельная ветка истории? Или... другой мир?

Ответа не было. Зато был холод, начавший пробираться под одежду, стоило мне остановиться, чтобы перевести дыхание.

Пора позаботиться о костре и собрать хворост. Ночь вступила в свои права, у меня не было времени шастать по лесу, поэтому я собрала столько веток, сколько нашлось неподалёку.

Мой враг некто, кто сильно похож на земного пещерного льва. Но всё же отличался от него. Память Шайи, как старая киноплёнка, была местами чёткой, местами засвеченной или «порванной». Я пыталась сосредоточиться на обрывках доставшихся мне воспоминаний, но видела лишь внушительный силуэт ворлака, острые клыки, жёлтые глаза и, как ни странно, спину, словно Шайя когда-то смотрела на него, стоя где-то сверху на безопасном расстоянии.

Вдоль позвоночника зверя шли странные бугры. В учебниках палеонтологии у пещерных львов ничего подобного не было. Просто львы-переростки без гривы. Этот же отличался.

Зачем хищнику броня на спине? Или это не броня? Может, терморегуляция, как у динозавров? Или ещё одна мутация сего проклятого места?

Закончив с хворостом, вернулась к расщелине. Один костёр сложила сбоку от входа в расщелину, второй - мою жировую лампу, - поставила внутри «кувшина», в нише скалы. Дым от фитиля тонкой струйкой уходил вертикально

вверх, в чернильное небо, усыпанное мириадами равнодушных, необычайно прекрасных звёзд.

Но прятаться в глубине я не стала. Если зверь придёт, он может просто покрутиться у входа, почуять неладное и уйти. Нет, мне нужно было, чтобы он захотел войти. Чтобы он увидел добычу, то есть меня, поэтому я вышла наружу и села у внешнего костра. Но не лицом к огню, так я ослепну и не увижу ничего дальше собственного носа, а спиной. Тепло приятно грело лопатки, а глаза, привыкнув к темноте, сканировали кромку леса.

Настало время ожидания.

Голодный желудок противно заурчал и неприятно сжался. Я сглотнула слюну, взяла снег в руки, дала ему подтаять, после выпила. Хоть что-то.

Боялась ли я? Безусловно. Я хотела жить.

Почему я была так уверена, что явится именно ворлак? Почему не стая волков или медведь?

Ответ лежал на поверхности - лес молчал. Обычно жизнь в лесу не замирает ни на секунду: хруст веток, уханье совы, далёкий вой волков. Но здесь стояла мёртвая, звенящая тишина. «Ландшафт страха», как называли это экологи. Мелкие хищники и травоядные знают: Хозяин вышел на охоту. Они забились в норы, ушли в другие распадки, растворились, лишь бы не попасться ему на глаза. Ворлак царил в этой части леса. Единственный полновластный король этой части горной гряды, и он знает, каков на вкус человек. Таковую до-

бычу он не уступит никому.

- Ну, давай, киса, - шепнула я, подняв голову и посмотрев в чернеющий лес. - Иди сюда, не вынуждай меня ждать слишком долго.

Минуты тянулись, как жвачка, нервируя, заставляя меня дёргаться от каждого шороха. Я, кутаясь в свою шубу, сидела, пялясь в темноту. От меня до первых деревьев было метров сто голого пространства, пропустить появление такого большого зверя при всём желании невозможно.

Некоторое время спустя глаза начали слипаться сами собой. Тепло от костра, уютно греющее спину, и накопившаяся за день чудовищная усталость, делали своё чёрное дело. Напряжение, державшее меня в тонусе последние часы, начало медленно отступать, уступая место вязкой, липкой дремоте. Голова стала тяжёлой, подбородок клюнул грудь.

- Не спать! - тихо приказала себе, но мысли против воли путались. И в итоге сон сморил меня.

Очнулась резко, будто кто-то ударил током. Сердце бешено колотилось, противной пульсацией отдаваясь в висках, рука инстинктивно сжала рукоять топора. Что это?!

Лес больше не молчал. Из глубины чаши, километрах в полутора отсюда, кто-то яростно ревел.

- Р-Р-РА-А-АУРР!

А следом ему вторил другой, не менее грозный, но тоном выше и резче. Голос, полный ярости и смертельного отчаяния. Пронзительный, переходящий в шипение и захлёбыва-

ющийся кашель.

Там, в глубине леса, схлестнулись два титана.

Я вскочила на ноги, вглядываясь во тьму, пытаюсь представить, что же там происходит. Звуки битвы долетали отчётливо: треск ломаемых веток, глухие удары, и следующие за ними рыки.

Моё воображение, подстёгнутое страхом, рисовало жуткие картины. Вот гигантская туша таранит другую. Клыки и длинные когти рвут плоть.

Но кто стал противником ворлака?! Откуда?! Я была уверена, что лев здесь один. Что он распугал всех соперников.

Кто посмел бросить вызов царю этого леса? Пещерный медведь? Шерстистый носорог, впавший в безумие гона? Или... другой ворлак? Конкурент, пришедший отобрать территорию?

- Господи... - прошептала я, слушая, как очередной чудовищный рёв сменился влажным, булькающим хрипом.

Битва была короткой, но яростной, молниеносной. Один из соперников явно начал сдавать. Его рычание стало слабее, вскоре перейдя в скулёж, полный боли.

Тишина обрушилась на местность, придавив и меня своим весом. Я стояла, вцепившись в рукоять своего жалкого оружия до белых костяшек, и не дышала. Кто победил?

Если тот, второй, неизвестный мне зверь, то он сейчас, возможно, начнёт пировать. А если Ворлак, то есть шанс, что сегодня ему так же будет не до меня.

Но был и иной вариант, когда победитель, прекрасно чуя запах костра, пойдёт выяснить, кто тут такой смелый?

Прошло минут пятнадцать. Я так и не села, продолжая сканировать пространство перед собой, готовая рвануть в укрытие в любую секунду. Сначала до меня донёсся запах. Ветер переменялся, и мне в лицо шибануло смрадом: свежая кровь вперемешку с тяжёлым духом крупного хищника.

А потом кусты на опушке раздвинулись. Силуэт льва на белом снегу, освещённый звёздами, впечатлял. Я сглотнула вмиг ставшей вязкой слюну. На секунду оцепенев от ужаса и восхищения.

Даже с такого расстояния я могла оценить чудовищную физику этого существа. Массивные лапы, способные одним ударом переломить хребет быку. Широкая, мощная, как осадный таран грудь. В холке он был мне почти по плечо - настоящая гора мышц.

Победа, в только что прошедшей схватке, далась ему не просто так: по левому боку тянулись три глубокие, кровотокающие борозды. Шкура на шее висела неровными лохмотьями, обнажая пульсирующее мясо. Из полураскрытой пасти на снег капала густая, тёмная жижа: то ли его собственная кровь, то ли кровь поверженного соперника.

Глядя на него, поймала себя на мысли, что мне ни за что и никогда не одолеть этого монстра в прямом бою!

Ворлак тяжело дышал, бока вздымались, изо рта вырывались клубы пара. Вот зверь сделал ещё один неторопливый

шаг, вперив в меня свои жёлтые, полные жажды крови, глаза.

Глава 7

Он смотрел на меня, я на него... Было что-то гипнотическое в его взгляде, лишаящее воли и желания сопротивляться. Взяв себя в руки, шевельнулась, сбрасывая накатившее странное оцепенение, но при этом ни на секунду, не отрывая взгляда от зверя. Сердце продолжало свой сумасшедший бег, кровь шумела в ушах. Пальцы сжали рукоять топора ещё крепче.

Ворлак сделал ещё один неторопливый шаг. Он не спешил, знал: я никуда не денусь. Я всего лишь двуногое мясо, и почти у него в желудке.

Я ждала, мне тоже сейчас нельзя торопиться. Стоило зверю преодолеть треть пути, и только тогда я попятилась. Лев, заметив это, утробно зарычал, а я, резво развернувшись, бросилась в расщелину. Хищник взревел во всю мощь своих лёгких, краем глаза я успела заметить, как его тело буквально размазалось в пространстве. Чудовищная скорость! Но у меня была фора, и я, не оборачиваясь, устремилась вперёд со всех ног!

Десять метров. Девять. Восемь.

Ворлак мчался за мной. Я слышала его тяжёлое, хриплое, смертоносное дыхание.

Семь метров. Шесть.

УСПЕЮ!

Пять метров.

Я вихрем преодолела каменный коридор.

Ворлак влетел в проход на полной скорости..., и-и замедлился, проход всё же был узковат для него.

Мгновение и вот он вывалился прямо на меня! С горящими безумием глазами, распахнутой пастью и обнажёнными клыками, кровавая пена летела в разные стороны. Зверь не стеснялся выказывать своё недовольство, как же, мышь попыталась сбежать!

Я уже поджидала его, готовая к бою. Адреналин бурлил в крови, не позволяя панике взять верх. Я хотела жить, следовательно, необходимо победить! Едва успела вскинуть рогатину, упереть тупой конец в каменную "базу" и ногой зафиксировать древко. Оружие с тихим вж-жух! прорезало воздух и остриём задралось вверх, прямо навстречу зверю именно в тот момент, когда он прыгнул, желая побыстрее порвать меня на куски.

Огромная масса летела прямо на меня, я против воли заорала, стараясь не зажмуриться от ужаса. Вот эти четыреста килограммов ярости, мышц и смерти сейчас раздавят меня, оставив кровавое пятно, размазав внутренности по неровному камню пола.

Противник заметил рогатину, попытался извернуться прямо в воздухе, его тело изогнулось, левая лапа мелькнула размытым пятном и впечаталась в меня!

Рёв ворлака и мой крик, полный боли и отчаяния, слились

в один жуткий вой.

Моё левое плечо обожгло такой жгучей, острой болью, что из глаз брызнули слёзы. Когти льва разодрали «шубу», впиваясь в мясо. Я чувствовала, как мои мышцы рвутся, перед глазами расцвела алая пелена, я едва не бросила своё оружие, но вовремя одумалась, сцепила зубы и держала... Держала эту тварь, которая всё же насадилась на рогатину.

Ворлак, рычал, брыкался, пытаюсь избавиться от источника его мучений, хотел покатиться по земле, сбив ненавистное орудие, но я стояла, я не имею права сдать сейчас, когда победа так близко!

Лиственница выгибалось дугой, трещала, угрожая лопнуть. Я же упиралась плечом и здоровой рукой в древко, стараясь не выпустить его.

Держись! ДЕРЖИСЬ! Я КОМУ СКАЗАЛА?!

И древко выдержало. Слава всем богам, оно не подвело! Рогатина вошла зверю в основание шеи, между ключицами, пронзив кожу и мышцы, пробив гортань и крупные сосуды, глубоко уйдя в плоть у самой грудины. Хлынула горячая, густая, чёрная в свете звёзд кровь.

Мы оба были ранены, к тому же я была страшно уставшей, и с каждой секундой мои силы таяли, изувеченная рука вот-вот и повиснет плетью... Я не понимала, откуда у этого тела такая чудовищная выносливость, далеко ушедшая за грань всякой разумности. Я не могла найти логичного объяснения силе Шайи, то есть теперь моей... Но, если честно, всё это не

имело значения, поскольку эти мои сверхспособности стремительно таяли, а вот ворлак напротив, несмотря на смертельную рану и жуткую кровопотерю,дохнуть вовсе не собирался.

Вместо того чтобы обмякнуть, он взревел пуще прежнего и начал бесноваться. Он бил лапами по воздуху, царапал камни, оставляя на них глубокие борозды. И полз вперёд... сам себя насаживая на кол, проталкивая остриё всё глубже сквозь шею, лишь бы добраться до меня! Его глаза, полные ненависти, были прикованы к моему лицу. С клыков летела кровавая пена. Рычание оглушало.

Я с каждым мгновением понимала, что проигрываю. Его масса, помноженная на ярость, ещё чуть-чуть и уничтожит меня. Мы помрём оба.

- Сдохни! - злобно, с ненавистью проорала в морду монстра, захлёбываясь ужасом. - Сдохни, тварь!

И тут произошло то, чего я жаждала больше всего на свете: лев дёрнулся ещё раз и вдруг обмяк. Дыхание его стало прерывистым. Жизнь стремительно покидала это могучее тело. И вот противник захрипел, завалился набок, я с трудом разжала пальцы, чтобы он не увлёк меня за собой.

Я, тяжело дыша и не мигая, глядела на распростёртого передо мной хищника, мои ноги задрожали и сами собой подогнулись, я обессиленно опустила на колени, прижимая к груди онемевшую руку. Меня всю трясло.

Я смотрела на эту огромную тушу, распластанную на кам-

нях. На кровь, растекающуюся лужей. На торчащую рогатину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.